

RECENZIJOS

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу **Т. И. Сильман**, Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы), Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени Государственный Педагогический институт имени А. И. Герцена, Ученые записки, том 315. Просвещение, Ленинград, 1967, 151 стр.

Название книги не дает представления о ее своеобразии, оно лишь соотносит ее с общей обширной областью, частью которой является рецензируемая работа. В то же время данное исследование выходит за границы синтаксической стилистики, смыкаясь с литературоведением, что отражает принципиальную установку автора на слияние этих двух дисциплин.

Своеобразие книги заключается в следующем:

1. Она написана в стилистико-сопоставительном плане — сопоставляется стиль четырех авторов.
2. Этими авторами являются Винкельман, Лессинг, Гердер и Гете, т.е. писатели 18—19 вв.
3. Из всех синтаксических явлений в качестве объекта наблюдения избираются два: средства связи между самостоятельными предложениями („межфразовые“ связи) и структура абзаца.
4. Материалом исследования служат однородные тексты, относящиеся к жанру эстетического трактата; автору удалось произвести еще большее ограничение, сопоставив произведения, написанные четверьмя авторами на одну и ту же тему: искусство древней Греции, в частности, описание скульптурной группы Лаокоон. Таким образом, устранены все экстралингвистические различия: времени, жанра, тематики, социальной принадлежности, — кроме одного — индивидуальности писателя; соблюден принцип „при прочих равных условиях...“, который позволяет осуществить замысел автора: раскрыть связь между идейным содержанием произведения, характером мышления писателя и особенностями его произведения.

Композиция книги отражает этот замысел: она распадается на три параллельно построенных части, три раздела. В разделе 1 „Синтаксические связи между самостоятельными предложениями“ после некоторых предварительных данных следуют отдельные главы о Винкельмане, Лессинге, Гердере и Гете. Раздел 2 „Лексико-синтаксические связи между самостоятельными предложениями“ и раздел 3 „Структура абзаца“ построены аналогично первому разделу. Такое построение заставляет автора трижды возвращаться

к каждому из четырех писателей в связи с рассмотрением того или иного синтаксического явления. Однако впечатления повторения и однообразия не возникает благодаря принципу нарастания в объеме материала и весомости языковых фактов. Начав с анализа употребления союзов, местоименных наречий, союзных слов и частиц в разделе 1, автор переходит к более весомым единицам — полнозначным словам и местоимениям, с помощью которых осуществляются разнообразные виды повторов, „явных и скрытых, частичных и полных, буквальных и описательных, лексических и синтаксических“ (стр. 69), соединяющих предложения между собой. Заканчивается описание разделом об абзаце, в котором сходятся все синтаксические нити, что дает возможность обобщить и завершить предшествующие наблюдения. Трех центральным разделам предпослано теоретическое введение, где излагаются взгляды автора на взаимоотношение синтаксиса и стиля писателя (главы 1, 2 и 3), проблему „большого контекста“ и синсемантию (автосемантию предложений-компонентов „большого контекста“ (глава 4). В конце работы помещено небольшое резюме на немецком языке.

Обращение автора к средствам связи и к абзацу как наиболее характерным проявлениям индивидуального стиля на уровне синтаксиса необычно. Казалось бы, более яркими приметам стиля в синтаксисе выступают такие ключевые структурные моменты как состав предложения (односоставные, двусоставные, безличные, личные, неопределенно-личные, эллиптические), объем предложения, порядок слов, обособление, сепаратизация, многозначность и др. Средства связи в стилистическом плане мало привлекают внимание, хотя они хорошо изучены в плане грамматическом¹. С первого взгляда представляется сомнительным, может ли существовать какая-либо связь между художественными идеями, видением мира писателя и употребляемыми им служебными словами, этими периферийными элементами грамматики, „морфолексами“ или *mots-outils*, по выражению А. Греймаса². Тем большая тонкость наблюдений, зоркость взгляда и остроумие требуются от исследователя, чтобы обнаружить такую связь. Т. И. Сильман доказывает ее существование с помощью количественного и качественного анализа, последовательно проводимого во всех разделах работы. Вероятностно-статистические методы количественного анализа автором не используются, изучение количественной природы грамматических явлений строится на основе подборки „репрезентативных“ текстов сравнительно небольших по объему (напр., текст из 120 пред-

¹ Кроме библиографии, приведенной в книге Т. И. Сильман, можно указать еще следующие работы:

М. М. Макарова, Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи совр. нем. яз. Канд. дисс., М., 1960.

Л. Г. Фридман, Некоторые способы сцепления дистантно расположенных предложений в абзаце, Сб. „Некоторые проблемы структурно-семантического исследования немецкого языка“, Ученые записки Пятигорского института иностранных языков, Пятигорск, 1966.

М. А. Овсянникова, Бессоюзная связь предложений в совр. нем. яз., канд. дисс., Л., 1961.

В. В. Суренский, Логико-синтаксические отношения между смежными предложениями связанного текста и их выражение в устной речи, „Русский язык в школе“, 1949, № 2.

² A. J. Greimas, *Sémantique structurale, recherche de méthode*, „Langue et langage“, Paris, 1966.

ложений), но дающих достаточно ясное представление о частности соответствующих явлений. Подобный подход удачно назван В. Г. Адмони „симптоматическим“, т.к. полученные результаты „являются теми симптомами, которые позволяют в общем виде заключить о процессах, происходящих в количественной стороне соответствующих явлений, и тем самым выработать определенный угол зрения на количественный характер существования этих явлений в целом“³. Мерой измерения величины выборки служит количество предложений. Одинаковое число предложений у разных авторов не обеспечивает, конечно, соизмеримости текстов, этого можно было бы достигнуть, выбрав иную меру – число слов или число печатных знаков –, но в данном исследовании измерение текста по числу предложений оправдано тем, что подсчитывается число средств связи между предложениями. Установление количественных различий между текстами разных авторов имеет в данной работе подсобное назначение, оно служит лишь отправным пунктом для дальнейшего исследования характера использованных средств и причин их выбора. Анализ Т. И. Сильман можно считать показательным для иллюстрации того, как невыразительны цифровые данные без изучения качественной специфики тех явлений, которые стоят за этими цифрами. Это касается, прежде всего, суммарных данных. Напр., таблица частотности союзов, местоименных наречий, союзных слов и частиц у Винкельмана, Лессинга, Гердера и Гете (стр. 35) дает почти одинаковые итоговые данные: 22, 21, 18, 21. Но когда автор раскрывает конкретную картину употребления этих служебных слов, показывая, какие из них преобладают у каждого писателя и почему, то ясно выступает их обусловленность общим характером стиля писателя. Так преобладание у Винкельмана причинного союза *denen*, который отличается от своего синонима *weil* обобщающим, несколько торжественным характером, близким русскому союзу „ибо“, и указывает не на ближайшую эмпирическую причину, а на общее обоснование какого-либо явления или процесса, не на „новое“, а на „данное“, отражает общий стиль Винкельмана, стиль плавного, торжественного описания, стремление писателя увязать объект наблюдения с широкими закономерностями, с уже изученными и известными фактами.

Одной из примет эмоциональной импрессионистской манеры письма Гердера служит присоединительный союз *und*, часто открывающий предложение. Проза Гердера близка разговорному стилю, она производит впечатление спонтанности, импульсивности; Гердер живописует мир фрагментарно; „союзы как бы „плывут по течению“, всплывают на поверхность не подготовленного заранее, непродуманного речевого потока“ (стр. 58).

В последующих разделах автор приводит все новые языковые факты, подкрепляющие первое впечатление от стиля писателя и создающие в своей совокупности цельную стилистическую систему. Так, оказывается, что Винкельман избегает местоименных связей между предложениями, он предпочитает выражать подлежащее каждого предложения полнозначным словом, что способствует автосемантии предложения. Каждое предложение исчерпывает свою „микротему“ с возможно большей полнотой, ряд таких предложе-

³ В. Г. Адмони, Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка АН СССР, Л., 1966, стр. 25.

ний, „закругленных законченных единств“, выстраиваются в абзац. Эта особенность соответствует общей тенденции стиля Винкельмана к плавности, законченным формулировкам, предельной четкости изложения.

Язык Гердера, напротив, изобилует местоименными повторами, его предложения отличаются синсемантией, абзац скреплен не строго логическими нитями, а единством настроения, он носит эмоциональную „рапсодическую“ форму.

Т. И. Сильман действительно удалось показать, что нет такого самого мелкого синтаксического явления, которое не было бы связано со стилевым и идейным своеобразием писателя. Эпиграфом к ее работе могла бы служить парафраза изречения приводимого Л. Шпитцером: *Nihil est in grammatica quod non fuerit in stylo*⁴.

Из данного анализа вытекает одно принципиальное положение для стилистики: в грамматике не существует оппозиции между стилистически маркированными и немаркированными формами. Стилистической значимостью могут обладать любые самые „ординарные“ языковые факты; стилистический колорит создается не за счет отклонения от норм, не за счет эффекта неожиданности, эффекта „несбывшегося ожидания“ (*defeated expectancy*)⁵, нарушения вероятностных связей, а за счет отбора и расположения общеупотребительных средств в пределах нормы. Это не исключает, конечно, возможности стилистических „экстравагантностей“, случаев так наз. отмеченности второй степени⁶, индивидуальных инноваций в словообразовании, синтаксисе и даже морфологии, напр. *Verluste an grenzenlosem Hoffen und Glauben, das die Geglauhten wie die Glaubenden erhebt* (M. Frisch, *Die Schwierigen*). *Wer nicht will, der wird gewollt* (E. Strittmatter, *Ochsenkutscher*).

Описание Т. И. Сильман похоже на открытия графолога, который по мельчайшим завитушкам и черточкам почерка выводит характеристику человека. В данном случае из наблюдений над стилевым „почерком“ вырастает облик писателя, его мировоззрение, художественные и эстетические взгляды, его индивидуальность. Однако необходимо подчеркнуть, что только данная совокупность особенностей создает данный эффект; любая из этих особенностей, помещенная в другую совокупность, создаст другой эффект, иногда прямо противоположный. Так, обилие местоимений в стихотворении Б. Брехта „*Wir sind sie*“, проанализированного Р. Якобсоном⁷, где из 142 слов 101 служебное слово, в том числе 61 местоимение, отражает установку автора на сценичность, драматичность своих произведений и вместе с разнообразными грамматическими антитезами (единственное число — множественное число; индикатив — императив; утверждение — отрицание) создает впечатление резкости, твердости, лаконичности в отличие от стиля Гердера.

⁴ L. Spitzer, "Why does language chance?", *Modern Language Quarterly*, 4, 1943, p. 429.

⁵ M. Riffaterre, *The Stylistic Function*, *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists*, the Hague, Mouton, 1964.

⁶ Н. Хомский, Методологические замечания о порождающей грамматике, ВЯ, 1962, № 4.

⁷ Roman Jakobson, *Der grammatische Bau des Gedichts von B. Brecht „Wir sind sie“*, „Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung“, Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag... dargebracht, Berlin, 1965.

В книге Т. И. Сильман синтезированы три плана: стилистический, литературоведческий и грамматический, которые для удобства рецензирования можно разобщить.

К литературоведению данная работа имеет отношение постольку, поскольку в ней содержится характеристика идейных и художественных взглядов четырех писателей-классиков; имеются замечания и по поводу творчества Т. Фонтане и Т. Манна.

Третий план — грамматический — представляет самостоятельную ценность, так как автор разрабатывает некоторые чисто грамматические вопросы, напр., классификацию средств связи, соотношение между грамматической и смысловой самостоятельностью предложения (автосемантия и синсемантия), проблему абзаца.

Автор предлагает различать два вида синсемантии: синсемантию 1, которая проявляется в замене слов-образов словами-заместителями, и синсемантию 2, характерную для диалогической речи, когда собеседник опускает те слова, которые были произнесены в предшествующей реплике. В силу специфики анализируемых текстов синсемантия 2 почти не освещается. Вне поля зрения автора осталась только характерная для письменной монологической речи форма связи с помощью пропуска повторяющегося звена, т.е. с помощью „неповторения“⁸.

Центральным грамматическим вопросом в работе следует считать проблему абзаца, на которую обратили внимание в отечественной литературе еще А. М. Пешковский, а в Германии К. Бюлер⁹. Несмотря на появление с тех пор ряда публикаций на тему „абзац“¹⁰, статус абзаца в системе языка все еще не определен. Это объясняется двойственной природой абзаца, находящегося на скрещении двух наук — языкознания и литературоведения, т.к. он одновременно является и композиционной единицей литературного произведения — „прозаической строфой“¹¹ и синтаксической единицей¹².

⁸ В. П. Кобков, Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в совр. англ. яз. (в сопоставлении с русским), Автореферат канд. дисс., М., 1965; Е. А. Рейман, Об общем характере построения научного прозаического текста, сб. „Особенности языка научной литературы“, изд. Наука, М., 1965.

⁹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956; К. Bühler, Sprachtheorie, Jena, 1934.

¹⁰ См. библиографию в книге Т. И. Сильман, стр. 17, 18, 19. Кроме того, можно указать на сл. работы: Е. В. Падучева, О структуре абзаца, Труды по знаковым системам II, Тарту, 1965, Ученые записки Тартуского Университета; М. Г. Свотина, Связи между абзацами в языковой практике Н. А. Добролюбова, сб. „Вопросы русского языкознания“, изд. Саратовского Госуниверситета, 1961; В. П. Николаева, Абзац, его строение, содержание и коммуникативно-стилистическая роль в рассказах А. П. Чехова, канд. дисс., М., 1965; Т. С. Ряднова, Анализ абзаца как композиционно-синтаксического элемента языка художественной литературы, сб. „Исследования по синтаксису английского языка“, Ученые записки МГПИ им. Ленина, ч. I, М., 1961.

¹¹ Г. Я. Солганюк. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы (сложные синтаксические целые) и в материале современной публицистики. Автореферат канд. дисс., М., 1965.

¹² Л. Г. Фридман, Некоторые вопросы изучения абзаца как синтаксической единицы высшего уровня на материале совр. нем. языка, сб. „Вопросы немецкой филологии“, Ученые зап. Пятигорского пед. института ин. языков, Пятигорск, 1967 (в печати).

Подчеркивая двусторонность абзаца, Т. И. Сильман согласно общему замыслу своего труда стремится показать взаимодействие этих сторон, что ей полностью удается, но вместе с тем мешает определить место абзаца в грамматике.

Абзац становится все более актуальной проблемой в современной науке. Без абзаца как „большого контекста“ („макроконтекста“) невозможно исследование контекстуально обусловленной (или „контекстуально-чувствительной“) грамматики. Установление иерархии языковых уровней и номенклатуры языковых единиц приводит также к абзацу (см. дискуссию по докладу Э. Бенвениста на 9 международном съезде лингвистов)¹³. Наконец проблема абзаца возникает при решении дихотомии „язык“ и „речь“. Для Т. И. Сильман абзац важен только в первой связи как макроконтекст. Поэтому в книге нет прямого ответа на вопрос, следует ли рассматривать абзац как объективную языковую единицу, высшую в иерархии единиц, или только как субъективно выделяемый автором речевой отрезок текста. Можно предположить, что автор склоняется к первому решению, т. к. в книге абзац неоднократно определяется как „синтактико-интонационное единство“, „синтаксическая единица большая чем предложение“, „более высокий разряд смыслового единства, чем отдельное предложение“ (стр. 113) и наконец дается дефиниция абзаца: „Абзац в его классической, „нормальной“ форме есть некое синтактико-интонационное единство, состоящее из одного или нескольких предложений, соединенных между собой синтаксическими (союзно-наречными) связями, проинизанных („прошитых“) лексико-местоименными повторами и объединенных единой общей темой (предметом изложения)“ (стр. 112). Приведенная дефиниция говорит, как будто, в пользу первой точки зрения, но ей противоречит последующее разъяснение, что абзац это „единица повествования“ в отличие от предложения — „чисто синтаксической единицы высказывания“ (стр. 112).

Вопрос о месте абзаца среди языковых или речевых (композиционных) единиц ждет своего решения, которое будет определено результатами конкретных грамматических и фонетических исследований его структуры в разных языках. Если удастся выявить формальные показатели структуры абзаца (фонетические и грамматические), его можно будет считать не композиционной единицей, а объективно существующей высшей единицей языка.

В рецензируемой работе содержатся ценные наблюдения над построением и содержанием абзаца. Основным его признаком Т. И. Сильман считает наличие общей темы, складывающейся из „микротем“, входящих в его состав предложений. Сочетание автосемантии и синсемантии внутри абзаца передается сложной сетью союзных и местоименных связей и лексико-местоименных повторов. Особое внимание обращено на первое и заключительное предложения абзаца: первое формулирует его тему, заключительное подводит итог. Соответственно различна их интонация. К сожалению, последнее предположение не подкреплено экспериментально. Т. И. Сильман не касается морфологических показателей связи внутри абзаца таких, напр., как соотношения временных форм, форм наклонений, форм залога, употребления артикля. Но и приведенный ею материал достаточен, чтобы продемонстрировать сочетание в аб-

¹³ Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists, the Hague, Monton, 1964.

заце объективных признаков с возможностью их субъективного варьирования в зависимости от стиля писателя.

Книга Т. И. Сильман может быть использована как пособие по стилистике, по истории литературы и по грамматике. Данная монография тем более отрадное явление, что грамматическая стилистика, несмотря на всю свою актуальность, остается наименее разработанной лингвистической областью. Работа Т. И. Сильман раскрывает новые возможности и направления грамматико-стилистического анализа и будет с большим интересом прочитана как лингвистами, так и литературоведами. Этому способствует также превосходный язык книги: он достаточно четок и точен для научного стиля и вместе с тем достаточно выразителен, ярок и поэтичен, чтобы повествовать на нем о „прекрасном“.

Е. И. Шендельс